

Александр Саркисов

18+

АЛЬМА-ФАТЕР

О флоте и не только

Александр Саркисов

Альма-фатер

«У Никитских ворот»

2020

УДК 82-3
ББК 84(2Рос=Рус)6.44

Саркисов А. А.

Альма-фатер / А. А. Саркисов — «У Никитских ворот», 2020

ISBN 978-5-00170-166-8

В этой книге публикуются рассказы о незабываемой курсантской жизни. Они лаконичны, отличаются тщательностью проработки сюжета и мастерством в построении диалогов, а за внешней веселостью в них видна глубина человеческих чувств. Несомненно, сборник рассказов «Альма-фатер» будет интересен как людям, имеющим отношение к военно-морскому флоту, так и просто всем, кто любит читать хорошую, добротную современную прозу, поручкой тому талант автора и его искрометное писательское перо.

УДК 82-3

ББК 84(2Рос=Рус)6.44

ISBN 978-5-00170-166-8

© Саркисов А. А., 2020

© У Никитских ворот, 2020

Содержание

Предисловие	6
Лишенные выбора	15
КМБ	17
Кортик	21
Musca vomitoria	28
Один день Матвея Идрисовича	37
Крейсер «Комсомолец»	49
Конец ознакомительного фрагмента.	50

Александр Саркисов Альма-фатер

Об основании школы математических и навигацких наук 14 января 1701 г.

Великий государь, царь и великий князь Петр Алексеевич, всея Великия и Малыя и Белья России самодержец... указал именным своим великого государя повелением... быть математических и навигацких, то есть мореходных хитростно наук учению. Во учителях же тех наук быть английския земли урожденным: математической – Андрею Данилову сыну Фархварсону, навигацкой – Степану Гвыну, да рыцарю Грызу; и ведать те науки всяким в снабдении управлением во Оружейной палате воярину Федору Алексеевичу Головинну с товарищи, и тех наук ко учению усмотря избирать добровольно хотящих, иных же паче и со принуждением; и учинить немущим во прокормление поденный корм усмотря арифметике или геометрии: ежели кто сыщется отчасти искусным, по пяти алтын в день; а иным же по гривне и меньше, рассмотрев коегождо искусства учения; а для тех наук определить двор в Кадашее мастерския палаты, называемой большой полотяной, и об очистке того двора послать в мастерскую палату постельничему Гавриле Ивановичу Головинну свой великого государя указ, и, взяв тот двор и усмотрев всякия нужная в нем потребности, строить из доходов от Оружейной палаты.

Предисловие

Вне всяких сомнений, новая книга известного российского писателя-мариниста Александра Саркисова будет с интересом встречена читателями – залогом тому и талант автора, и выбранная им тема книги «Альма-фатер».

Наверняка книга будет интересна для чтения как людям, имеющим отношение к военноморскому флоту, так и просто всем, кто любит читать хорошую и добротную современную литературу. Что же касается самого автора, то он, судя по тональности книги, предназначает ее прежде всего нынешней молодежи.

В книгу «Альма-фатер» наряду с некоторыми старыми рассказами вошло большое количество новых, ранее не публиковавшихся произведений.

Разумеется, что по прочтении книги «Альма-фатер» у каждого останутся в памяти какие-то наиболее впечатлившие рассказы. Что касается меня, то мне больше иных легли на душу такие рассказы, как веселый и познавательный «Крейсер “Комсомолец”», драматично-комичный «Самый счастливый день» и тонкий по юмору и философии пародийный «Один день Матвея Идрисовича». Эти рассказы я бы выделил особо, как некие вершины данной книги. Впрочем, все остальные рассказы также написаны на высоком художественном уровне.

В начале книги приведены эссе однокашников автора (кстати, прототипов некоторых персонажей) об училище. Из них видно, что веселые и неунывающие, а порой и не совсем дисциплинированные мальчишки-курсанты со временем превратились в прекрасных военноморских офицеров, внесших немалую лепту в укрепление боеспособности ВМФ СССР. И это тоже находка автора!

Характерной чертой творчества Александра Саркисова и раньше, и в «Альма-фатер» является детальное знание предмета, о котором пишет автор, хороший русский литературный язык, несомненный интеллект и тонкий юмор. Именно поэтому чтение книг Саркисова всегда доставляет истинное наслаждение и оставляет после себя привкус изысканного десерта.

Я давно с неослабевающим интересом слежу за творчеством Александра Саркисова и могу сказать, что с каждой книгой он прибавляет в мастерстве работы со словом. Не стала в данном случае исключением и «Альма-фатер».

Уверен, что читатель не обманется в своих ожиданиях. Поручкой тому талант автора и его искрометное писательское перо.

Попутного ветра и долгой жизни тебе, «Альма-фатер»!

*Секретарь Союза писателей России,
капитан 1-го ранга
Владимир Шигин*

Никогда не задумывался о роли в моей жизни военноморского училища – «Системы». Каждый на определенном этапе жизни, оглядываясь назад, анализирует прожитое на предмет: а правильным ли путем пошел? а правильное ли решение принял в определенных ситуациях? правильно ли поступил? с теми ли людьми строил отношения? Что дала мне «Система» – один из предметов этого анализа. Да, это высшее специальное образование, это школа жизни, как принято говорить, это новые люди, каждый из которых оставил свой след в душе, но все же это значительно больше, чем просто время, проведенное в компании таких же, как я, молодых людей в период учебы.

Задумываясь об этом, можно говорить много пафосных слов, но все же «Система» для меня это:

- новые люди, появившиеся в жизни, с которыми нужно было выстраивать отношения, закрепляя базовые ценности, привитые (а у кого-то не привитые) родителями;
- новые знания, подчас совершенно на первый взгляд невероятные, которые дадут тебе возможность не почувствовать себя балластом в будущем;
- осознание того, что в реальной жизни дважды два не всегда четыре;
- новые друзья и новые отношения, где опять же базовые ценности, такие как порядочность, честность, верность слову, – не пустой звук, а бесценная способность «прикрыть спину» товарищу;
- обретение истинно настоящих друзей, которых принимаешь такими, какие они есть, и с которыми пойдешь по жизни, общение с которыми будет доставлять радость и питать энергией для преодоления многих жизненных трудностей;
- осознание правильности выбора и – с течением времени – понимание того, чего же ты хочешь добиться в жизни;
- осознание, наконец, того, что отныне ты взрослый самостоятельный человек, принимающий решения и самостоятельно строящий свою жизнь. А еще это осознание того, что отныне ты часть той самой большой системы под названием военно-морской флот, ты винтик, причем хоть и маленький, но весьма значимый.

Капитан 1-го ранга

Н. Е. Давыдов

«Система»... Для непосвященных – комплекс взаимодействующих элементов, для меня – часть жизни, возможно лучшая. Мы были молоды, амбициозны и напористы. Мы мечтали покорять моря и океаны и быть лучшими в своем деле. Мы попали в «Систему», чтобы исполнить это, – и дальше жили уже по ее законам и правилам.

Мы учились выстраивать отношения между собой, с преподавателями и начальниками. Мы учились отличать добро от зла, подлость от служебной необходимости, уважение к старшим от пресмыкательства. Нас учили принимать решения и отвечать за них. «Система» отдала нам все, что у нее было, и отправила во взрослую жизнь. А дальше... Дальше уже совсем другая история. А «Система» продолжает жить и работать. Как без нее?

Капитан 3-го ранга

Ю. А. Клюев

Сорок лет назад, окончив Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе, я пополнил ряды офицеров флота. Меня ждали подводные лодки, Крайний Север и дальние плавания.

Начав свою службу с должности командира электронavigационной группы, прошел все ступеньки нелегкой служебной лестницы до главной должности на флоте – командира корабля. И на каждом этапе своей карьеры я всегда с благодарностью вспоминал годы, проведенные в стенах училища. За эти пять лет преподаватели, командиры и особая атмосфера старейшего учебного заведения страны сформировали у меня правильное отношение к жизни и службе, крепкие нравственные и моральные ориентиры.

ВВМКУ имени М. В. Фрунзе подарило мне друзей на всю жизнь. Мы до сих пор встречаемся и помогаем друг другу.

Я давно ушел в запас и уже более двадцати лет работаю менеджером в коммерческих структурах. Но и сейчас придерживаюсь базовых установок той уникальной училищной системы менеджмента, в которой объединились старые флотские традиции и опыт бурного развития океанского флота.

*Капитан 1-го ранга
А. В. Петров*

Морской корпус, Высшее военно-морское училище имени М. В. Фрунзе, «Система». Моя учеба в ней пришлась на времена брежневского СССР. И несмотря на партийно-идеологическую «совковость» всего военно-морского образования, «Система» работала. И за пять лет превратила наивного юношу, смотрящего на мир через розовые очки, в довольно шустрого, слегка циничного лейтенанта, готового лечь на амбразуру во славу Родины.

«Система» не делала людей ни лучше, ни хуже. Она обнажала человеческое нутро, раскалывала человека на раз-два и отсекала на прокрустовом ложе все лишнее, что не соответствовало офицеру советского ВМФ. Все работало на этот конечный результат: и спартанский режим, и ограничение свободы, и наборный паркет Компасного зала, и галерейные портреты героев и флотоводцев, и даже бывшая столовая гардемарин, превращенная в танцпол зала Революции. Везде витал метафизический дух российского флота. И очень жаль, что сейчас, в эпоху пышных придворных морских парадов, альма-матер русского флота уже который год стоит без ремонта и восстановления после пожара. И никаким кронштадтским новоделом не заменить старое, намоленное поколениями гардемарин здание «Системы».

*Капитан 3-го ранга
А. А. Елаев*

Что для меня значит училище?

- Это то место, где из меня сделали мужчину.
- Это первая любовь и первая измена.
- Это когда ты впервые начинаешь отвечать за других, а не только за себя.
- Это когда впервые узнаёшь, что за твои проступки может пострадать другой и при этом тебе всё очень доходчиво объясняют не те как бы взрослые, как ты привык в семье и школе, а твои товарищи-сверстники.
 - Это когда ты понимаешь не только то, откуда берутся дети, но и то, что с ними делать, потому что это ты становишься их отцом.
 - Это когда у тебя появляются братья не по родству, а по духу – потому что на всю жизнь.
 - Это когда ты вдруг узнаёшь, что еще кто-то готов подставить тебе крепкое, надежное плечо, потому что он такой же свой, как ты, а своих не принято бросать, и это не один человек, а может быть и целая рота.
 - Это когда ты начинаешь учиться искать выходы из безвыходных ситуаций сам, а не бежишь к маме или папе.

Что мне дало училище?

- Прежде всего, это уверенность в себе – как средство защиты от всех невзгод.
- На всю жизнь я остаюсь прежде всего курсантом лучшего Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе; какое бы потом воинское звание я не получал, всегда в голове сидит прежде всего, что я должен не опозорить честь «Системы».
 - А также определенную степень безразличия, что позволяет в основном всегда держать холодную голову и ориентироваться в сложных ситуациях.
 - Но самое главное, я приобрел настоящих и преданных друзей со всех концов нашей некогда огромной страны, которые теперь уже разъехались по всему миру.
 - Я получил диплом инженера и холодное оружие в личное пользование.
 - Я научился быстро чистить картошку, убирать пыль в самых труднодоступных местах, варить пельмени в кофейнике, гладить брюки и стирать носки каждый день.
 - Научился штурманской аккуратности и основательности.

- Научился предвидеть события и оценивать обстоятельства.
- Я научился адаптироваться к любым ситуациям.
- И наконец, я получил офицерскую форму.

*Капитан 2-го ранга
М. Ю. Смирнов*

Училище?! Это переход от состояния детства к зрелому, хотя и юному возрасту. Это состояние невосприятости, отторжения всего, что тебе навязывают, на фоне огромного интереса к жизни, любви и радости окружающего бытия. В этом круговороте зарождалась и дружба, и навыки общения – так на выходе получался самостоятельный (уверенный в правильности своего жизненного пути), многосторонний, с крепким иммунитетом ко всем жизненным «вирусам» человек.

Неслучайно каждые пять лет (а то и чаще) уже немолодые, нефизкультурного вида мужчины встречаются, обнимаются, радуются и становятся на время мальчишками – выпускниками родной «Системы».

*Капитан 3-го ранга
А. В. Черновский*

В первую очередь я хочу сказать слова благодарности руководителям, преподавателям и воспитателям Высшего военно-морского училища имени М. В. Фрунзе, среди которых были и участники Великой Отечественной войны. Они отдавали свои знания и умения нам, семнадцатилетним юнцам, делая из нас будущих адмиралов и офицеров военно-морского флота.

Учеба в морском училище стала началом моей военной службы, которая продолжалась в рядах ВС СССР и ВС РФ более тридцати трех лет. Базовое военноморское образование, полученное в его стенах, и служба в рядах военно-морского флота позволили мне в дальнейшем успешно закончить Военно-морскую академию имени Н. Г. Кузнецова.

С первого курса учебы в нас воспитывали чувство долга, товарищества и любовь к родному училищу, которые мы сохранили на всю жизнь. В период учебы у меня появились друзья, отношения с которыми продолжают уже более сорока лет и с каждым годом только крепнут.

Училище сформировало меня как личность, выработало самостоятельность и ответственность за принятие решений, а также умение и готовность преодолевать сложности.

Кроме того, учеба в славном городе на Неве позволила прикоснуться к его историческому наследию и существенно повысить свой культурный уровень.

А еще во время учебы я женился на любимой девушке по имени Татьяна, которая по сей день трепетно поддерживает домашний уют и с которой мы делим все радости и невзгоды.

Капитан 1-го ранга

Л. А. Балахонов

Отношение к «Системе» (попытка вспомнить ощущения периода 1976–1981 гг.).

Первый курс. Воспоминания грустные: хочется спать, хочется есть и вообще домой хочется... Научился стирать носки в бане...

Второй курс уже лучше, третий – веселее.

Дальше, четвертый и пятый, уже хорошо: уверенный взгляд, энергичная проходка, ощущение самостоятельности, уверенность в себе...

Можно продолжать долго. А если коротко – я испытываю чувство гордости от осознания того факта, что учился в Высшем военно-морском училище имени М. В. Фрунзе на штурманском факультете.

Капитан 2-го ранга

Е. В. Попов

Лишенные выбора

В первых числах июля 1976 года на автобус № 420, ходивший по маршруту Зеленогорск – Зеленая Роща, попасть было практически невозможно. Со всех концов страны съезжались абитуриенты в летний лагерь Высшего военно-морского училища имени Фрунзе. С рюкзаками, чемоданами, дорожными сумками, как муравьи, ручейками стекались они к проходной верхнего лагеря. Там их встречали и направляли на регистрацию и сдачу документов.

Романтиков, видевших море только по телевизору и решивших связать свою жизнь с военно-морским флотом, было немного. В основном поступали дети гарнизонов, военных городков, военно-морских баз, из семей, где родители служили или работали на флоте. Ничего другого они не видели и иной жизни себе не представляли. Эти ребята не знали, что такое фрак или смокинг, зато прекрасно знали, что такое тужурка, китель и роба. Им не нужно было объяснять, что «компас» и «рапорт» произносятся с ударением на последний слог. У них не было выбора, они были обречены служить на флоте.

Зеленая Роща – место необыкновенное. Лагерь располагался в лесу с вековыми соснами и щедрыми ягодниками. С одной стороны были чистейшие озера, с другой – Финский залив. Офицеры и мичманы, занимавшиеся абитуриентами, жили здесь с семьями, относясь к происходящему как к временному недоразумению, совмещенному с внеочередным отпуском.

Открывавшийся вид нижнего лагеря напоминал картинку из учебника истории об осаде Тира Александром Македонским: палатки, палатки, палатки...

С утра началось. Бесконечные построения, хождение строем туда-сюда, консультации, приборки. Делалось все, чтобы не дать нормально подготовиться. Сдавать нужно было пять экзаменов, а конкурс был шесть человек на место. Более-менее уверенно себя чувствовали отличники и служивые, у них были льготы.

Началась сдача экзаменов. Математика опустошила палатки наполовину, физика шлифанула оставшихся, сочинение отсеяло представителей малых народностей, физкультура подвела черту. Чем меньше их оставалось, тем доверительней становились отношения, тем теснее они общались.

Вырисовался проходной балл на штурманский факультет – 22,5.

Последнюю точку в селекции поставила мандатная комиссия, распределив выживших по факультетам. 5 августа 1976 года все поступившие были зачислены в ряды Вооруженных Сил СССР.

Счастливые новоиспеченные курсанты получали форму и переезжали в верхний лагерь, в «бочки». Подтянулись зачисленные в училище нахимовцы. Из числа преподавателей и лаборантов были назначены временные командиры рот и взводов. Начинался курс молодого бойца.

Имеющий глубокие сакральные корни, курс молодого бойца был обязателен, как обряд инициации юношей у нилотов Восточной Африки.

Жесткий распорядок дня, ни секунды свободного времени. Подъем, зарядка, приборка, завтрак, строевые, обед, изучение уставов, приборка, ужин, разбор полетов, отбой. Сна не было, был провал сознания. Бритая наголо голова, урчащий от голода живот и растертые в кровь ноги – вот основные приобретения этого периода. За неделю до окончания священнодействия начались тренировки по принятию присяги. Самые бестолковые оказались самыми преданными, они зачитывали перед строем текст присяги по многу раз.

В день отъезда с вещмешками за спиной грузились на дизель, потом электричка и, наконец, Питер. Залитый огнями, шумный вечерний город приводил в состояние растерянности и оторопи. Многие впервые увидели метро. В училище входили как в храм, состояние было приподнято-восторженное, на курсантов пятого курса смотрели как на полубогов. Это было не

просто перемещение из одного места в другое, это был коллективный переход на следующую ступень по лестнице Ламарка. Это был акт эволюции.

Ужин в училище, впервые за последнее время потянуло в сон не от усталости, а от сытости.

Наконец наступил главный день – день торжественного принятия присяги. Утром 6 сентября 1976 года на Марсовом поле в форме три, в белоснежных бескозырках, с автоматами на груди, построены поротно, стояли курсанты первого курса. Гости с цветами, офицеры в парадной форме, начальник училища за трибуной.

И разносится над площадью многоголосьем: «Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Вооруженных Сил, принимаю присягу и торжественно клянусь...».

И только старый, мудрый преподаватель, капитан I ранга, смотрит печальными, все понимающими глазами. Не вы у меня первые, не вы последние. Сколько же из вас могло получиться блестящих ученых, художников, музыкантов... а вы придете на флот и зареете свои таланты за изучением приказов, инструкций, наставлений, руководств...

КМБ

Сокращения на флоте любят, и это оправданно. Если, к примеру, вслух расшифровывать КВБД, ВМКГ, ТУЖК, РПКСН, ТАКР, НГГМО, РБИТС... это ж хрен сломать можно. А так коротко и ясно. Для своих ясно, а врагу ни в жизнь не расшифровать. Вот, к примеру, подслушает враг – «ГКП, ПЭЖ, включен ГОН, разрешите запустить КЛБ набить БВД», и что ему, бедному, со всем этим делать?

В соответствии с традицией и курс молодого бойца называли сокращенно – КМБ. Когда экзамены позади, ты зачислен и расслабился, вот тогда и настает КМБ. Не начинается, а именно настает!

На КМБ организм реагировал как на стихийное бедствие, а беда, как известно, сближает, спланивает. Успевшие сдружиться Саня Мухин, Витюня Ермашов, Рашид Тепляков и Шурик Расписов держались вместе. Командиром роты к ним назначили милого, интеллигентного на вид капитана II ранга по кличке Коля Кровавый. Командиром взвода был мичман Боря. Это был мужичонка маленького роста с опереточно торчащим животиком и глазами камбалы. Когда он, перекошенный сколиозом, командовал перед строем, трудно было не расхохотаться. Но на этом все веселые моменты в период КМБ и заканчивались.

07.00. Рота, подъем! Выходи строиться на физзарядку! Форма одежды – трусы, ботинки!

Ежась от холода, досыпая на ходу, курсанты строились на плацу. Командовал процедурой подполковник Цильцей. Одетый в теплые спортивные штаны и свитер, он разъезжал на велосипеде вдоль строя и с легким прибалтийским акцентом тренировал свое чувство юмора:

– Что скукожились? Температура воздуха по Цильцею тридцать градусов.

Ну а дальше два километра к Финскому заливу, стирая прогарами ноги в кровь. На берегу очередная команда:

– Форма одежды ноль! Всем в воду и по десять приседаний!

Разгоряченный после бега, ты падал в холодную воду Финского залива. Цильцей считал приседания не спеша, смакуя, пока не видел, что мошонки начинают подпирать кадыки. Так закалялась сталь.

Перепуганный Саня Мухин с криком вылетел из воды:

– Мужики, у меня все пропало!

– А ты попробуй потри, только не увлекайся!

Мухин старался, как первобытный человек, добывающий огонь. Наконец разглядев появляющийся первичный половой признак, Саня с облегчением натянул трусы. Флотские трусы – это отдельная песня: когда холодно, они согревают колени.

Цильцей торопил, нужно было пробежать еще два километра до лагеря. Вообще Цильцей – это было не случайно. Уже тогда прозорливые начальники прививали будущим офицерам настроенное отношение к Прибалтике.

Однако все это было не так страшно, как постоянное чувство голода. Не спасал даже сворованный в столовой хлеб.

На обратном пути четверка дружно рванула в лес. Рассыпавшись по поляне, они спешно набивали рты черникой. Давясь подножным кормом, проламывая в чаще проход, Витюня, стокилограммовый розовощекий здоровяк, первым бросился догонять строй.

Ничто не ново под луной. Не они первые, не они последние. На построении перед завтраком с застывшей акульей улыбкой и немигающим взглядом Коля Кровавый скомандовал:

– Показать языки!

Это был залет. Фиолетовые языки выдали их с головой.

– Ермашов, Расписов, Тепляков и Мухин – наряд вне очереди на свинарник.

На свинарнике было две достопримечательности – хряк Мишка и дочь начальника Верка. Начальником на свинарнике был Казимирыч, мужик неопределенного возраста с одним ржавым зубом посреди рта. Казимирыч, как заправский фермер, вырулил из-за свинарника на тракторе:

– Харе курить! До обеда по плану прополка грядок, а после обеда будем забивать свинью.

Добросовестно отработав на грядках и наскоро перекусив, пошли отлавливать хрюшу. Казимирыч коротко распорядился:

– Колоть будем Изольду.

Это сильно усложняло процесс. Если свинья безымянная, то и хрен бы с ней, а когда знаешь имя, вроде уже как и знаком, вроде как что-то связывает. Изольда была девушка видная, грязно-розового цвета с черным ухом.

– Ну что встали, загоняй!

Четверка, первый раз в жизни увидев живую свинью так близко, несмело начала окружение. Изольда, поняв, что ничего хорошего ее не ждет, ринулась в атаку. Быстро разметав мелкокалиберных загонщиков, Изольда пошла на Ермашова. Витюня стоял бледный и, словно парализованный, не мог пошевелиться. Разогнавшись, свинья ударила его в ноги, и он как подкошенный рухнул на нее. Их вопли слились воедино. Подоспевший Казимирыч ловким ударом закончил дело.

Вечером он принес полную сковороду с жареной свининой и молодой картошкой. Рядом дефилировала Верка в новых резиновых сапогах и короткой юбке. Она нарезала уже третий круг, и ее намерения были понятны даже солисту хора мальчиков-кастратов. Уныло посмотрев на Верку, друзья накинулись на жратву, тем самым в пух разбив теорию Фрейда о главенстве сексуального инстинкта.

Наступила первая суббота КМБ. К Рашиду приехали родители и привезли полную сумку снеди. Естественно, сумку распанахали на четверых. И пирожки, и бекон, и молоко, и котлетки... К вечеру их скрутило. Гальяон был деревянный, на три очка, зайти вовнутрь мог только самоубийца. Сочетание хлорки и дерьма давало неожиданный эффект. Какой, к черту, иприт, какой зарин? Хлорка и дерьмо, никаких формул. Производить можно в любой воинской части, а поражающих факторов больше. И название могло бы быть красивое – хлордерьмин. Привычно углубились в лес до первой незагаженной поляны, расселись кругом. Сверху вековые

сосны, снизу ковер из ягодников, рядом тужатся друзья, чем не жизнь? Был только один недостаток – комары. Зуд нейтрализовали, елозя задом по панцирной кровати.

В воскресенье всех привели в клуб на просмотр кинофильма. Название запомнилось – «Человек-амфибия», а когда в титрах появился директор картины, весь зал уже спал.

Ежедневную муштру разбавляли занятия по морской практике, пока под хоровое пение «Варяга» не утопили Ял-6. Ближе к концу начались тренировки по принятию присяги. На гражданке народ совсем без фантазии, ведь могли же разнообразить жизнь тренировками выхода замуж или, к примеру, вступления в партию.

Это был цирк. Перед строем стоял мичман Боря:

– Приветствовать меня как вице-адмирала! Здравствуйте, товарищи курсанты!

– Здравия желаем, товарищ вице-адмирал!

Ушибленный величием мичман сиял от удовольствия, ну полное зазеркалье.

В последний день КМБ начальник нового набора осматривал построенных на плацу курсантов. Он был доволен: цель достигнута. Перед ним навтыжку стояли юноши с идеальным соответствием роста весу, физически закаленные и постоянно готовые к приему пищи.

Кортик

Военный человек должен быть всегда занят, иначе он начнет задумываться, что, как известно по индюку, для здоровья вредно.

Л. Соболев.

Капитальный ремонт

Значение культурно-досуговой работы переоценить трудно, потому как направлена она была на осуществление политики партии и государства в армии и на флоте.

Понимали это и супостаты. У натовцев, к примеру, организация досуга военнослужащих определялась в качестве важнейшей задачи командиров всех степеней. В основу закладывались принципы разнообразия и дифференцированного подхода к учету интересов, увлечений и привычек личного состава. В этом была их беда.

Еще генералиссимус Суворов говаривал: «Чем больше удобств, тем меньше храбрости». Этой великой мыслью и руководствовались отцы-командиры, организуя досуг курсантов.

Все сводилось к незатейливому набору: ежедневному просмотру программы «Время», подшивкам газет «Правда», «Красная звезда» и «На страже Балтики», танцам по выходным дням и, конечно же, курсантскому кафе, где можно было не задорого побаловать желудок, угнетенный казенными харчами.

Курсантское кафе в военно-морских училищах было таким же обязательным объектом, как учебная аудитория, рубка дежурного, ленинская комната, галльон или портрет генсека на стене.

Учитывая специфику, названия у таких кафе были соответствующими: «Якорь», «Бригантина», «Океан», «Фрегат»... Училище имени Фрунзе из этого ряда не выпадало – кафе носило гордое название «Кортик», который, собственно, являлся личным оружием офицера и непременным атрибутом определенного социального статуса.

Находилась оно на первом этаже главного корпуса в аккурат под залом Революции.

Кафе в училище – место культовое. Но в отличие от культового религиозного места здесь вместо молитв читали меню и с просьбами обращались не к Богу, а к буфетчице. Здесь не ходили строем и не отдавали честь, обстановка в кафе «Кортик» была почти демократичной, хотя и были некоторые особенности. К примеру, лучшие места с полудиванчиками занимали курсанты старших курсов, а пятикурсники не утруждали себя стоянием в очереди.

В свободное время, которого было совсем немного, курсанты могли беспрепятственно посещать «Кортик». Ассортимент в кафе разнообразием не искрил, собственно как и сама курсантская жизнь. Сочни, пирожки, полоски, сок, лимонад и, конечно, мороженое.

В будни посетителей было немного и подолгу никто не засиживался. Бурная жизнь в «Кортике» начиналась в выходные дни, как раз в то время, когда этажом выше, в зале Революции, проходили танцы.

Наступила долгожданная суббота – святой для первокурсника день недели. Если курсанты третьего курса ходили в увольнение три раза в неделю, а курсанты пятого курса ежедневно, то первокурсники только по субботам и воскресеньям, и то если на этот день не выпадали наряды и позволяла успеваемость.

Ровно в восемнадцать ноль-ноль прозвучала команда: «Увольняемым в город построиться!»

В строю стояло всего шесть человек. Преклонного возраста преподаватель высшей математики Фрида Моисеевна Полянская безжалостно обнулила планы молодых людей на выходные, что было похоже на месть за черту оседлости.

После короткого, но яркого инструктажа, изобиловавшего словами «нельзя», «запрещено», «честь», «достоинство», группу повели на выход.

Из двери рундучной показалась голова.

– Серега!

Один из увольняемых обернулся.

– Ты надолго?

– Не знаю, меня Сима пригласила.

– Потом на танцы придешь?

– Приду.

Торчащая из рундучной голова с завистью провожала товарища в город.

Сима была личностью легендарной и многоопытной. С точки зрения курсанта первого курса, в свои двадцать семь лет она выглядела перезрелой дамой. Работала она лаборантом на кафедре военно-морского искусства и жила недалеко от училища. У нее была комната в коммуналке в старом доме на Седьмой линии Васильевского острова, рядом с церковью Благовещения Пресвятой Богородицы.

Серега Чернышенко был неказист и робок. В то, что Сима пригласила его к себе, он до конца не верил и нервничал.

Серега шел рысью. От училища до дома Симы было недалеко, и уже через десять минут он давил на кнопку звонка у входной двери.

Сима встречала в красном шелковом халате с золотыми драконами. Приложив указательный палец к губам, она быстро провела его по длинному коридору и втокнула в комнату.

Сергея огляделся: комната была небольшой, все пространство занимали двуспальная кровать и телевизор «Рубин-714». Сима смотрела на Серегу, а тот крутил головой по сторонам, боясь задержать взгляд на Симе.

Надо отдать ей должное, экспериментировала она только с первокурсниками и денег с них не брала. Это «посвящение в мужчины» она рассматривала как миссию, а заодно и разнообразила досуг личного состава. За долгие годы Сима поставила на ровный киль не одно поколение будущих флотоводцев. Зарубок на прикладе, конечно, не делала, но счет вела.

Глядя на суетливо расстегивающего брючный клапан юнца, она поинтересовалась:

– Первый раз, что ли?

В семнадцать лет пережить такое унижение нелегко.

– Да ты что?! Да я...

Сима внимательно наблюдала за подрагивающим подбородком и неслушающимися руками.

– Понятно, в первый. Ты вот что, ты, главное, успокойся и не торопись.

Шелковый халатик соскользнул на пол. Роскошная тазобедренная конструкция Симы ввергла Серегу в ступор.

Через час, эмоционально переполненный и физически опустошенный, он возвращался в училище. Как ни не терпелось ему поскорее предстать перед друзьями в новом статусе, шел Серега неспешным, уверенным шагом. Походка его изменилась.

В училище первым делом он зашел в помещение роты. Снял верхнюю одежду, поправил пробор и обильно сбрызнулся «Шипром».

На подходе к залу Революции гремела музыка, как всегда по субботам был аншлаг.

Революция отменила традиции балов, и теперь танцы в училище ничем не отличались от танцев в ДК строителей. На сцене лабал курсантский ансамбль, для быющих в конвульсиях быстрого танца они были полубогами.

Надо заметить, что гости и хозяева преследовали разные цели. Девушки ломились на танцы за женихами, а вот курсантов интересовали исключительно быстротечные отношения, не подразумевающие знакомства с родителями. Но, несмотря на явный конфликт интересов, настроение у всех было приподнятое.

Пройдя вдоль стены за колоннами, чтоб не мешать активно танцующим парочкам, Серега подошел к своим.

Сразу прозвучал вопрос:

– Ну как?!

С видом бывшего Серега отмахнулся:

– Как-как... Да как обычно.

Небольшой перерыв закончился, и снова зазвучала музыка. Ребята подошли к стайке девушек и стали наперебой приглашать их на танец. Все это здорово походило на мартовскую кошачью какофонию.

После одного медленного и двух быстрых танцев они повели девчат в «Кортик».

В кафе бросались в глаза большая очередь и буфетчица Рая в несуразном кокошнике. В «Кортике» Рая царила безгранично.

Ароматы свежайшей сдобы и кофейного напитка подстегивали лениводвигающуюся очередь. Напротив Раи стоял пятикурсник с подругой. Рая таких любила, они не пересчитывали сдачу.

– Пожалуйста, два кофе.

Внушительных размеров кофемашина угрожающе шипела, посвистывала и плевалась. Ждать кофейный напиток из цикория приходилось долго – видимо, машина страдала хроническим простатитом.

Неловким движением Рая поправила кокошник.

– Заказывать еще что будете?

Пятикурсник с видом «гулять так гулять» озвучил заказ:

– Два мороженных по три шарика.

– Вам ассорти или всяко-разно?

Поставив парочку перед непростым выбором, Рая широко улыбнулась своим давненько не санированным ртом и дурным голосом возопила:

– Криманки! Криманки давай! Где тебя черти носят?!

Из дверей подсобки со стопкой чистых криманок вышел Марат, разнорабочий и по совместительству «милый друг» Раи.

Трудно сказать, где она подобрала этого пьющего интеллигента, но Рая его пожалела и пристроила к телу и к делу. Зевать она ему, конечно, не давала, зато закрывала глаза на его природную тягу к хмельному.

Марат, в свою очередь, благотельницу боготворил и служил ей с преданностью и простосердечием Санчо Панса. Это был идеальный союз несчастливой лимитчицы и потомственного питерского алкаша.

Наконец подошла очередь ребят. Заказ их был незатейлив – мороженое да яблочный сок. Рая обслужила их без энтузиазма, ни разу не улыбнувшись. Отработанным до автоматизма движением навалила шарики мороженого в криманки, налила сок в граненые стаканы и, отсчитав сдачу до копейки, высыпала ее в мокрое блюдо.

– Следующий!

Пока Серега с друзьями запивал мороженое соком и пытался сократить дистанцию с зарумянившимися девушками, за соседним столиком шумно гуляла компания старшекурсников с непрофессиональными профурсетками.

Иметь такие знакомства на воле было выгодно. Дело в том, что употреблять спиртные напитки курсантам строжайшим образом запрещалось. Хотя в увольнении, если не в состоянии, они себе позволяли, несмотря на риск быть пойманным офицером с обостренным обонянием.

Пока курсантов нещадно гоняли на зарядку и заставляли сдавать нормы по физподготовке, некоторые их сверстники-студенты умудрялись допить до цирроза. Что тут скажешь, завидно и обидно. И как же быть, если ты сидишь месяц без увольнения? Вот тут-то такие профуры и нужны. Курсанту бутылку в училище не пронести, на КПП тщательно проверяют, а опытные девки под одеждой до трех бутылок портвейна проносили.

Такие вот счастливицы и радовались жизни за соседним столиком. Потеряв бдительность, радовались они громко и порой даже нецензурно.

Упоительную гармонию, царившую в «Кортике», в момент порушил старший помощник дежурного по училищу. Капитан второго ранга, с повязкой на левом рукаве и кобурой на правой ляжке, стремительно появившийся в кафе, хищным взглядом краснодеревщика осмотрел помещение.

Притихли даже парочки в плохо освещенном дальнем углу («Кортик» сводил молодых людей, здесь началась не одна флотская династия).

В наступившей тишине под столом предательски звякнули бутылки.

Подключив к слуху обоняние, офицер безошибочно вышел к цели. Нависнув над столиком еще недавно веселившейся компании, неестественно раздувая ноздри, он сделал глубокий вдох и прикрыл глаза. Сомнений не было – портвейн белый «Агдам» объединения «Азербайджанское вино», спирт 19 %, сахар 8 %, ГОСТ 7208-70.

Курсанты встали из-за стола и понуро разглядывали начищенные до зеркального блеска хромачи.

Ситуация была ясна, как таблица умножения, но капитан второго ранга зачем-то вкрадчиво спросил:

– Ну что, голубчики, попались?

Стараясь не выдохнуть, курсанты дружно заблеяли:

– Товарищ капитан второго ранга, вы не подумайте, мы только мороженое...

Тот, недолго думая, ткнул пальцем в стриженный затылок за соседним столиком.

Затылок вскочил и представился:

– Товарищ капитан второго ранга, курсант Чернышенко!

– Вы видели, как за этим столиком распивают спиртные напитки?

– Никак нет!

Потерпев неудачу, старший помощник дежурного по училищу решил обратиться к нейтральной стороне. Он обернулся и подозвал к себе Марата. Райкин кавалер приветствовал начальника размазанным взглядом водянистых глаз и блуждающей улыбкой вовремя опохмелившегося человека.

– Вы видели, как они распивают спиртные напитки?

В ответ Марат красноречиво молчал.

Капитан второго ранга опрос свидетелей прекратил: во-первых, бесполезно, а во-вторых, при наличии таких вещдоков свидетели не особенно-то и нужны.

– Достаньте бутылки из-под стола!

Провинившиеся полезли под стол, пустые бутылки зазвенели валдайскими колокольчиками. Изрядно подавшие шаболды Кубанским казачьим хором вступились за своих кавалеров. Это не помогло.

Траурная процессия с пустыми бутылками в руках двинулась на выход из кафе. Замыкал шествие убоготворенный капитан второго ранга.

– Следующий! – раненой чайкой прокричала Рая, вернув «Кортик» к нормальной жизни.

Все вокруг загомонило и задвигалось. Ребята еще долго общались с девушками, была съедена не одна порция мороженого. В отношениях наметился прогресс, но курсанты – люди военные и живут по строгому распорядку, да и девочкам нужно было успеть в общагу к сроку.

Распрощались, как прощаются малознакомые люди.

На удачу Серега крикнул вслед уходящим девушкам:

– Телефончик оставьте!

Та, что была побойчей, обернулась:

– 164-35...

Последние цифры потонули в Райкином призыве к Марату:

– Ты че, заснул?! Криманки давай!

«Кортик» как сводил, так и разлучал. Больше Серега никогда этих девушек не встречал.

Musca vomitoria

На минном дворе офицер строевого отдела принимал курсантов-нарушителей для сопровождения на гарнизонную гауптвахту.

Небольшой дворик-колодец с рогатой миной, выкрашенной в зловеще-черный цвет, посередине и местом для курения в углу. Такой вот военно-морской фэншуй. Два третьекурсника-минера, гидрограф с пятого курса и первокурсник со штурманского факультета кучковались у курилки. Сдвинув фуражку на затылок, сопровождающий въедливо проверял документы, и у них образовалось время на перекур. Пятак с барского плеча угостил всех «Беломором». Сладко затягиваясь и щурясь на ярком весеннем солнце, он с брезгливой снисходительностью обратился к первокурснику.

– Слышь, салабон, ну ладно, я начальника патруля за ухо укусил, эти два румына нажрались как свиньи и обрыгали рубку дежурного, а тебя, убогого, за что?

Шурик задумался: тут в двух словах не объяснишь. Подошел сопровождающий.

– Становись!

Надев вещмешки, курсанты построились.

– Равняйсь! Смирно! Налево шагом марш.

На гаражном дворе их уже ждал пазик мерзкого грязно-желтого цвета.

* * *

Закончился первый училищный отпуск. Доложив дежурному о прибытии, курсанты собирались группками, обменивались впечатлениями и дружно уплетали вкусности, привезенные из дома.

За трепом время пролетело незаметно. Пришло время отбоя.

Шурик Расписов залез к себе на верхний ярус. На соседней койке уже сопел его кореш Витюня Ермашов. Несмотря на зимний холод, спали с открытыми окнами, и, не дай бог, кто-нибудь наденет тельник. За этим строго следили отцы-командиры.

Уснул Шурик быстро. Снился ему Новый год в кругу семьи, загулы с друзьями и другие приятные моменты.

– Рота, подъем!

Все хорошее когда-нибудь заканчивается.

Встать у Шурика не получилось. Двухметровый здоровяк Витюня, ворочаясь во сне, придавил его ногой.

Со второй попытки вес был взят, и Шурик соскочил на палубу. Нужно заметить, что в училище пользовались корабельной терминологией и было непростительной ошибкой назвать голяк веником, галльон – туалетом, палубу – полом, трап – лестницей, шхеру – кладовкой...

– Выходи строиться на зарядку! Форма одежды – брюки, тельник.

Рота построена. Четыре взвода, в каждом по четыре отделения. Взводы выстроены по ранжиру, впереди высокие, дальше на убыль. Каждый четко знал свое место. Вышли во двор, медленно, со скрипом открылись гаражные ворота.

«У природы нет плохой погоды» – это не про Питер в январе. Мороз, резкие порывы ледяного ветра и липкий снег.

– Рота, бегом!

Какой-нибудь непонятливый гражданский наверняка бы уже рванул, но люди посвященные знают, что по этой команде руки сгибаются в локте, а корпус наклоняется вперед.

– Марш!

Вот теперь можно. Медленно, как паровоз, набирающий скорость, рота вытягивалась на 12-ю линию Васильевского острова. Холод пробирал до костей, холодный воздух рвал легкие. Бегали кругами по 11-й и 12-й линиям. После третьего круга привычно закололо в правом боку, холод стал ощущаться меньше, правда, и снег на голове перестал таять. Размышлять над этим парадоксом не было сил. В последней шеренге четвертого взвода, выбиваясь из сил, шаркая прогарами по заснеженному асфальту, изображали бег три неокрепших организма – Шурик Расписов, Рашид Тепляков и Саня Мухин.

– На шкентеле, подтянись!

Троица прибавила, отставать нельзя. Сила воинского коллектива – в сплоченности.

Наконец наступило состояние, когда ты перестаешь считать круги, тело не ощущается, твой мозг свободен. Йоги определяют это состояние как нирвану и добиваются (недоумки) годами изнуряющих тренировок.

У Шурика в голове пульсировала только одна мысль: Господи, за что?

Это было тяжелым испытанием, особенно для парня, всю жизнь прожившего на берегу Черного моря.

Господи, за что? Ну ведь есть же люди, которые на зарядку не бегают, отсиживаются на каких-нибудь хитрых объектах приборки или имеют личную шхеру, как, например, Женя Макуркин, но об этом можно только мечтать...

На вечернем построении, перед просмотром программы «Время» командир роты капитан III ранга Борис Петрович Козюля (с такими инициалами во флотском коллективе прозвище БПК неизбежно, как восход солнца) объявил, что нашей 11-й роте передали новый объект приборки – хоздвор.

Объект сложный, но освобождает от зарядки.

– Нужен приборщик. Доброволец есть?

Мозг Шурика еще осмысливал услышанное, а ноги уже вынесли его перед строем.

Здоровые инстинкты в воинском коллективе обостряются до предела.

– Ну вот, Расписов, завтра и начнете. Старшина роты, введите его в курс дела.

С таким нетерпением и радостью он никогда еще не ждал подъема. Тепло одевшись, Шурик пошел получать приборочный инвентарь.

Хоздвор представлял собой небольшую, закрытую со всех сторон площадку, расположенную недалеко от водолазной станции. Именно сюда свозили мусор со всего училища. По периметру стояли переполненные мусором контейнеры, снег давно не убирался.

В распоряжение приборщика старший баталер выдал:

– вертолет (приспособление для уборки снега);

– лопату деревянную;

– лопату железную совковую;

– две метлы на длинных черенках;

– обрез металлический для сбора мусора.

Солидный инструментарий. Проверив, не вписал ли баталер чего лишнего, Шурик расписался в журнале.

Перетащив все это добро на хоздвор, он не спеша разминал беломорину. Мимо пробежали сонные замерзшие курсанты. Шурик поглубже натянул ушанку, глубоко затянулся и вдруг осознал: вот оно, счастье!

Но на флоте счастьем принято делиться.

Сложив инвентарь в приборочный кранец, он решительно направился к командиру роты.

– Товарищ командир, объект в ужасном состоянии. Одному мне его в порядок не привести, а не дай бог, кто из начальства заглянет. Предлагаю выделить в помощь курсантов Мухина и Теплякова.

БПК задумался. Проверить действительно могли в любой момент, объясняя потом, что объект тебе только вчера передали. Но и хитрая курсантская рожа доверия не внушала.

И он принял соломоново решение.

– Добро, неделю они работают с вами, а потом вы самостоятельно будете поддерживать порядок на хоздворе.

Хитрость удалась наполовину.

К хоздвору Шурик относился как к спасителю. Он его одухотворял.

Постепенно на объекте установился идеальный порядок. Все, что там делалось, – делалось с любовью.

Мусор сортировался и вовремя вывозился. Вольнонаемные шофера, вывозившие мусор, Шурика откровенно побаивались. Даже камбузные работники, которым сам черт не брат, старались не лить помой мимо баков.

Приближались майские праздники, по этому поводу командование решило устроить субботник.

Стояла прекрасная солнечная погода, и настроение было соответствующим. Побелкой Шурик разжился еще с вечера, правда, прижимистый Макуркин выдал кисть для побелки, бывшую в употреблении, которая напоминала огрызок.

К 11 часам бордюры были побелены, но кисть все-таки развалилась, и домазывать пришлось губкой, сворованной с водолазной станции.

Шурик обвел взглядом свое детище. Отмаркированные баки, выставленные по линейке, белоснежные бордюры, свежеевыкрашенный кранец с инвентарем. На асфальте ни соринки.

Все это великолепие венчала новая табличка с надписью «Хоздвор. Объект приборки 11-й роты. Ответственный за приборку – курсант Расписов».

На хоздвор заглянул запыхавшийся старшина 1-й статьи Артюхов.

– Готовься, идут проверяющие, старший Аладьев.

Последний штрих: Шурик достал из кранца дезодорант «Хвойный» и от души обрызгал баки.

На двор не спеша врывалась компания проверяющих. Впереди, как броненосец, двигался замначальника училища капитан I ранга Аладьев. За ним шли начальник штурманского факультета капитан I ранга Крикунов, замначальника строевого отдела капитан II ранга Волчук и несколько офицеров из политотдела. За ними маячил БПК.

Шурик ринулся навстречу.

– Товарищ капитан I ранга, ответственный за приборку курсант Расписов.

Аладьев, крупный мужчина в безупречно сидящей форме, мощным утесом навис над курсантским телом. Шурик среагировал мгновенно. Это называлось «включить Швейка». Он уставился на начальника взглядом, излучающим довольно широкий спектр чувств, от всепоглощающей любви к начальству до готовности немедленно умереть на боевом посту.

Комиссия обошла хоздвор.

– Ну что же, неплохо, – произнес скупой на похвалу Аладьев и двинулся на выход.

В это время пролетающий голубь уронил перо (сволочь).

Волчук заметил:

– Что ж это вы, не в состоянии птичьей перья вымести? Для чего мы субботник устраиваем?

Дальше пошло по возрастающей. Последним отметился БПК.

На построении перед обедом Борис Петрович подводил итоги субботника. Перекатываясь вдоль строя на кривых ногах и постукивая кулаком правой руки по ладошке левой, он негромко причитал:

– ЧП, бля, ЧП. Не ожидал от вас, Расписов, подвели. У нас Аладьев, а у вас дохлая птица. ЧП, бля, ЧП.

Праздники закончились. Шурик чувствовал недомогание. То ли холодное пиво, то ли изменчивая майская погода, в общем, он заболел.

В санчасти его осматривал старый отставной доктор из бывших. Белоснежный халат, накрахмаленный чепчик, очки с толстыми линзами. Образ доброго Айболита венчала козлиная борода. Вдобавок ко всему он жутко картавил.

– Писаживайся, батец. Откой от пошие.

Увидев, что перед ним не симулянт, доктор оживился. Вращая шпателем во рту пациента, он старательно вызывал рвотную реакцию. Почти добившись успеха, быстро вытащил инструмент изо рта.

– Поздавляю, у вас ангина. Будем ложиться в лазает.

– Доктор, а можно амбулаторно?

На носу летняя сессия, и терять неделю совсем не улыбалось.

– Голубчик, ангина сама по себе не сташна – сташны ее последствия. Так что в лазает.

Санчасть – это маленький рай. Причем до изгнания. Каждое утро змей-искуситель в образе дежурного врача интересовался аппетитом, ставил градусник и уговаривал выпить лекарства.

Шурик понимал: если лекарства пить, то этот кайф быстро закончится. Самостоятельно он только умывался и ходил в галюн, все остальное за него делал медперсонал. Спи сколько хочешь, фрукты каждый день. Но через неделю Шурика выписали.

На самоподготовке, расспросив о последних новостях, Расписов живописал свое бытие в санчасти. Его слушали не перебивая. Привирал он от души, особенно про отношения с медсестричками.

Громко сглотив, Женя Задов уточнил:

– Это та, что с короткой стрижкой?

– Она самая.

– Ну, брат, ты даешь!

Не в силах сдерживать эмоции, Коля Давыдкин с надеждой всхлипнул:

– Шурик, а ты как заразился?

Утром, натянув белоснежную робу, он отправился на хоздвор.

Так, похоже, здесь никто не прибирался. Шурик вытащил из-за пазухи пачку «Беломора», закурил.

Что-то не так. Он не мог понять, в чем дело.

Наконец сообразил – его отвлекает посторонний шум. Непонятный шорох разливался по хоздвору.

Откинув крышку мусорного бака, Шурик обомлел. Наваленные поверх зловонной жижи треугольные пакеты из-под молока ходили ходуном и громко шуршали. Под ними кишели маленькие белесые червячки.

На территорию зашел врач с водолазной станции – подполковник Лелюкин.

Знаменитая фраза Штирлица застучала в мозгу отбойным молотком.

Это конец, подумал Шурик.

Подполковник уверенно направился к мусорным бакам.

– Товарищ подполковник! Я все уберу, хлоркой засыплю!

– Я те уберу, я те засыплю.

С этими словами он достал из портфеля железную банку из-под кофе и высыпал из нее опилки на асфальт.

– Курсант, фамилия?

– Курсант Расписов!

Именно такой теперь была его фамилия. Просто на «Расписов» он бы уже и не откликнулся.

– Ну-ка зачерпни мне опарыша покрупней.

Ничего не понимающий Шурик зачерпнул совковой лопатой вонючую жижу.

– Аккуратней, твою мать, на опилки высыпай! Через минуту из опилок начали выползать белоснежные червячки. Лелюкин аккуратно, с любовью собрал их в банку.

До конца приборки похожую операцию проделали еще два офицера и мичман.

Начинался рыболовный сезон.

В пятницу случился казус. Утром зашел капитан I ранга Кариакиди. Этого педагога курсанты обожали. Шурик от души захотел сделать ему приятное.

– Товарищ капитан I ранга, я вам сейчас крупненького достану. Они еще два дня назад были по полтора сантиметра.

Он приоткрыл крышку дальнего бака. Опарыша не было, зато вылетел огромный рой мух.

Кариакиди хохотал долго и от души.

– Ну, это ты, братец, передержал. Раньше нужно было отсаживать.

Стало ясно: так дальше нельзя. Спрос серьезно опережал предложение.

Нужно было побольше разузнать про опарыша. Советом помог многоопытный нахимовец Серега Бугров по кличке Дядечка.

– Рядом на набережной университет, сходи, может, шпаки тебя просветят.

Шпаками презрительно называли всех гражданских.

На следующий день, в субботу, Шурик готовился в увольнение. Надраил ботинки, погладил брюки, постирал чехол бескозырки.

Достав из рундука новый тельник, он начал одеваться. До построения оставалось несколько минут.

Сзади подошел Саня Мухин:

– Слышь, у тебя шея заросла, давай подбрею. А то БПК слезьми зальет.

Осмотрев себя в зеркало, Шурик остался доволен.

– Идущим в увольнение построиться. Форма одежды номер три.

Командир роты провел осмотр и стал интересоваться, куда идут его подчиненные.

Озвучивались официальные версии: в театр, в кино, на выставку. Сказать правду ни у кого и в мыслях не было.

– Расписов, а вы куда?

– В университет.

– Я с вами серьезно разговариваю! – БПК начинал злиться.

– Да он правда к шпакам на консультацию, – промычал Дядечка.

Старшина роты раздал увольнительные.

Шурик вышел на набережную лейтенанта Шмидта. Справа возвышался памятник Крузенштерну, слева – парадный вход в училище. На ярком весеннем солнце золотом горела надпись «Высшее военно-морское Краснознаменное училище им. М.В. Фрунзе».

До университета было недалеко. Минут пятнадцать не спеша по Университетской набережной.

Вот и университет, типичный образец петровского барокко, 1724 год.

Ему нужно было здание Двенадцати коллегий. Оно выходит торцом на набережную, и, чтобы попасть в него, нужно было пройти через двор.

Огромные дубовые двери и старая бронза давили и указывали на ничтожность входящего.

Но только не курсанту ВВМУ им. Фрунзе. Там и здание постарше, и история побогаче.

Войдя в огромный вестибюль, Шурик огляделся. Рядом с широкой лестницей маячил то ли швейцар, то ли гардеробщик.

– Уважаемый, мне нужна консультация по насекомым. Не подскажете, куда пройти?

– Это вам на кафедру энтомологии нужно. Второй этаж и по галерее направо. Эдуард Карлович сегодня на месте, вы к нему обратитесь. Он добрый старик, не откажет.

Шурик поднялся на второй этаж и вышел в галерею. Огромные арочные окна, портреты знаменитых ученых, статуя Петра, сильно смахивающая на одесского Дюка.

С другой стороны галереи стояли застекленные витрины с книгами и экспонатами. Под ногами поскрипывал старинный паркет.

Пробегавшие мимо студентки откровенно рассматривали курсанта. Наконец он увидел табличку «Грифель Эдуард Карлович. Доктор биологических наук, профессор».

В научных званиях Шурик не разбирался, а военное на табличке отсутствовало. Он уверенно рванул дверь.

Помня наставления Дядечки о том, что шпака нужно брать выправкой, Шурик отчаянно заорал:

– Разрешите войти! Товарищ профессор, разрешите обратиться. Курсант Расписов!

Перед ним был пожилой человек лет семидесяти в вязаном жакете с пузырями на локтях. От неожиданности профессор привстал. Если бы к нему зашел инопланетянин, он удивился бы меньше.

Наконец, справившись с растерянностью, профессор поинтересовался:

– Чем могу-с?

– Нужна консультация по опарышам.

– Вообще-то ваш покорный слуга – специалист по насекомым-опылителям и муравьям. Однако полагаю, что смогу быть вам полезен. Если не секрет, чем это *musca vomitoria* так заинтересовала будущего адмирала?

Расписов молча смотрел в глаза профессора. Видимо, тот решил, что это военная тайна, и расспросы прекратил.

– Ну что ж, начнем-с?

Шурик внимательно слушал, делал пометки, задавал уточняющие вопросы. Видя такую заинтересованность, профессор вошел в раж.

Через час Шурик знал об опарышах все, а главное – технологию разведения в университетской лаборатории.

– Может быть, чайку-с?

– Спасибо, Эдуард Карлович, служба.

Для шпака это был аргумент! Тепло распрощавшись, он двинул в «Демьянову уху». Там его ждали друзья, черный хлеб с маслом, ароматная уха и, конечно, 50 грамм холодной водочки.

С понедельника на хоздворе началась новая жизнь. Первым делом Расписов решил устроить инкубатор. Договорившись в столярном цеху, он притащил мешок опилок. У Коли Давыдкина был прекрасный почерк, ему Шурик заказал трафареты для надписей на мусорных баках.

Вымытые баки с откинутыми крышками сушились на солнце. Новенькие надписи на баках дисциплинировали. «МЯСНЫЕ ОТХОДЫ», «ОВОЩНЫЕ ОТХОДЫ», «БЫТОВОЙ МУСОР» и две загадочные надписи – «ИЛ» и «ГП», что означало «инкубатор личинок» и «готовая продукция».

У входа на хоздвор висело объявление: «Опарыш будет через 10 дней». Подходившие офицеры, читая и ругаясь, послушно разворачивались.

Опарышем рыбаки называют личинку мясной мухи – *Musca vomitoria*. Яйцо мясной мухи напоминает изогнутый огурец. Муха откладывает их кучками по 50–100 штук. Через сутки из яиц вылупляются личинки. Дней за десять они превращаются в товарного опарыша. Огромное значение для успеха в рыбалке имеет субстрат, на котором выращен опарыш. Шурик растил только на мясном.

Прошло десять дней, Расписов готовился к пятнице. В четверг на вечерней приборке он засыпал опилки в бак с надписью «ГП» и отсадил туда взрослых личинок. Правильно подобранный субстрат и погода делали свое дело.

На следующий день утром, облокотившись на лопату, Шурик ожидал посетителей. Первым оказался капитан I ранга Расмус с кафедры теории, устройства и живучести корабля.

– На каком водоеме ловить собираетесь? – с видом знатока спросил Шурик.

– Так на Вуоксу всей семьей на выходные, – и протянул майонезную баночку.

Насыпав в банку две трети опарыша, присыпав их свежими опилками, Шурик протер банку влажной ветошью:

– Удачной рыбалки!

– Ну, вы это, будут проблемы – обращайтесь.

Конвейер работал как часы. Мухи откладывали яйца, личинки росли. Расписов начал экспериментировать. Добавив в откормочный бак свекольных очисток, он получил прекрасную бледно-розовую партию, которая стала называться «адмиральский опарыш».

С каждым днем клиентов становилось все больше. Шурик был вынужден стоять на раздаче два раза в день, во время утренней приборки и после ужина. Рыболовный сезон был в разгаре.

Однажды адъюнкт с кафедры технических средств кораблевождения капитан-лейтенант Парменов устроил скандал.

– А почему это вы мне «адмиральского» не даете?

– Извините, «адмиральский» только для старших офицеров, – почтительно, но твердо произнес Шурик.

Его поддержал стоящий сзади в очереди капитан I ранга Брюховицкий:

– Правильно, тут старшим офицерам не хватает. И вообще, больше одной банки в руки не отпускать!

На следующий день на хоздворе висело объявление:

«Приходить со своей тарой. Больше одной банки в руки не выдается».

Вечером перед сном Рашид спросил:

– Что у тебя за собрание на хоздворе устроили?

Шурик рассказал другу все как есть.

Что-то прикидывая в уме, Тепляков сказал, что завтра зайдет посмотреть.

На следующий день на лекции по политэкономии Рашид воспитывал Шурика:

– Ну ты совсем не соображаешь. Твой опарыш – это живые деньги. Ты хоть знаешь, сколько стоит спичечный коробок с опарышем? Хоть к преподавателю прислушайся. Слышишь? Товар – деньги – товар! В субботу насыпь побольше опарыша, я попробую толкнуть.

В субботу рано утром, нужно было успеть до увольнения, Расписов набрал трехлитровую банку крупного, один в один, опарыша. До окукливания еще дня три, сойдет.

Вечером он ждал возвращения Рашида. Как всегда, из дома он принес гору вкусностей. Налетел народ, умяли все быстро и пошли на перекур. Рашид достал из-за пазухи «Беломор» и пристально посмотрел на Шурика.

– Чего не спрашиваешь про опарышей? Держи, – он протянул Расписову 11 рублей 60 копеек.

Шурик уставился на деньги. Родители посылали ему 10 рублей в месяц. Было над чем задуматься.

Тепляков прервал его размышления.

– Можно договориться, оптовики будут приезжать два раза в неделю.

И они стали считать, сколько заработают за сезон. Ночью Шурику приснилась огромная иссиня-черная муха, откладывающая золотые яйца.

Со временем Расписов начал замечать особое к себе отношение со стороны преподавателей-рыбаков. Кто-то здоровался за руку, интересовался проблемами, кто-то заискивающе

посматривал во время занятий. На практических занятиях ему ставили явно завышенные оценки.

Стали поступать коллективные заявки от кафедр.

Начиналась лекция по начертательной геометрии. В аудиторию вошел уважаемый профессор Анцеклевич. Махнув рукой дежурному, он сразу завладел вниманием аудитории.

– Товарищи курсанты! Я принес вам весть!

При этом на белую голубку с оливковой ветвью в клюве старый ментор явно не тянул.

– Слух о том, что экзамен по начертательной геометрии состоится, подтвердился!

«Этот не рыбак, придется учить», – подумал Шурик.

Все шло хорошо, но существовала одна проблема. Для сохранения взрослого опарыша необходимо помещать в холод. Так он может сохраняться неделями, не теряя товарных качеств.

Нужен холодильник, размышлял Шурик. Какой-нибудь старый, списанный. Вот если бы кто-нибудь из МТО проявил интерес, можно было бы договориться.

За этими мыслями он не заметил, как на хоздвор зашел начальник МТО полковник Крыжаковский. Невысокого роста, крепко сбитый огненно-рыжий мужик подошел к объявлению.

Не веря в удачу, Шурик доложил.

– Товарищ полковник, старший приборщик курсант Расписов! – для солидности повысив себя в должности, отрапортовал Шурик.

– Это что?

– Объявление, товарищ полковник.

– Я вижу, что не Джоконда! Открыть баки!

Все рухнуло в одночасье. Крыжаковский был грибник. Уже через час взвод в противогазах выгружал содержимое баков в самосвал.

Расписова с командиром роты вызвали на ковер. Пройдя в Адмиральский коридор, они остановились перед кабинетом начальника училища. БПК смотрел на дверь кабинета как на Стену Плача. Вышел старший мичман, адъютант начальника.

– Борис Петрович, проходите, а вы, курсант, обождите в коридоре.

Ожидая БПК, Шурик рассматривал полотна великих маринистов. Они украшали Адмиральский коридор.

Минут через десять появился командир роты. Постукивая кулаком по ладошке, он растерянно бормотал:

– Вот так, отвечай, Козюля. Понаберут, бля, на флот, а виноват Козюля.

– Товарищ командир, ну что?

– Мне выговор, вам трое суток губы. При чем здесь Козюля?

На картине Айвазовского догорал турецкий флот.

Один день Матвея Идрисовича

Родился Мотя тринадцатого июля, в пятницу, и случилось это в високосном 1956 году.

В том году состоялся XX съезд КПСС, на котором развенчали культ личности, провели операцию «Вихрь» по подавлению антисоветских волнений в Будапеште и приняли постановление ЦК КПСС «Об орошении и освоении целинных земель».

Все это, вместе взятое, ничего хорошего мальчику не сулило. Будущее его было предрешиено и печально.

Рос Мотя в семье потомственных каторжан. Мать его, Ида Иосифовна Либерман, была дочерью репрессированных троцкистов-бухаринцев, а отец, Идрис Валиевич Челебиджихан, – сыном депортированных из Крыма татар.

Жила семья двойной жизнью. На работе, сидя под портретом генерального секретаря ЦК КПСС, строили светлое коммунистическое будущее. Вечерами же, закрывшись на кухне, шепотом гордились своими предками и эзоповым языком выражали свое недовольство коммунистическим строем и лично товарищем Брежневым.

Несмотря на то что, кроме них и чайного гриба, многозначительно пузырившегося в трехлитровой банке, на кухне никого не было, в безопасности они себя не ощущали.

Вот и Мотя с детства был привычен к двуличию. В детском саду под портретом лукаво улыбающегося Ленина он вместе с другими детишками учил стихи Михалкова, а вечерами на кухне, затаив дыхание, вкушал настоящую правду.

Шли годы, и наступило время получения советского паспорта и призыва в ряды вооруженных сил. Наступило неожиданно и одновременно. Остро встал вопрос с выбором фамилии и национальности. После долгих дебатов на кухне пришли к выводу, что фамилия Челебиджихан хоть и не сахар, но все же безопаснее, чем Либерман.

С национальностью было сложнее, решили подмазать знакомую паспортистку и записать Мотю русским. Получилось интересно – Матвей Идрисович Челебиджихан, русский. Паспортистка долго смеялась, ей самой настолько понравилось, что денег за услугу она не взяла.

Полдела было сделано, но оставался вопрос со службой. Идти в армию мальчику из непростой интеллигентной семьи никак нельзя. Но и отлынуть от службы было невозможно.

Решение приняли: как и водится у матерых интеллигентов, ни вашим ни нашим. Отправили Мотю поступать в военно-морское училище – вроде как на службе, а вроде и учиться.

Тяжела и незавидна жизнь курсанта, а уж первокурсника и подавно. Привыкнуть к этому невозможно, можно только пережить. До второго курса дотягивали далеко не все.

Зимние ночи в Ленинграде длинные и лютые. Ветер с залива нагоняет мороз и снег.

Ровно в семь ноль-ноль прозвучал звонок, долгий и пронзительный.

Дежурный по роте дурным голосом проорал:

– Рота, подъем! Построение на зарядку через пять минут! Форма одежды – брюки, тельник!

Старшина роты вывел недоспавших юнцов на пробежку. Хоть и утро, а на улице темень. Первые прохожие, зябко кутаясь в шубы, с жалостью смотрели на курсантов, которые в одних тельняшках наворачивали круги вокруг училища.

Стук прогаров по наледи, звон сполошного колокола в ушах, мороз иглами в морду да окрик старшины: «Не растягиваться! Подтянись на шкентеле!»

Через тридцать минут, тяжело дышащие, с нарастающим снегом на голове, вернулись в ротное помещение.

– Разойдись!

Все наперегонки бросились к своим тумбочкам. Схватив мыльно-рыльные принадлежности и накинув на плечо вафельное полотенце, Мотя одним из первых добежал до умываль-

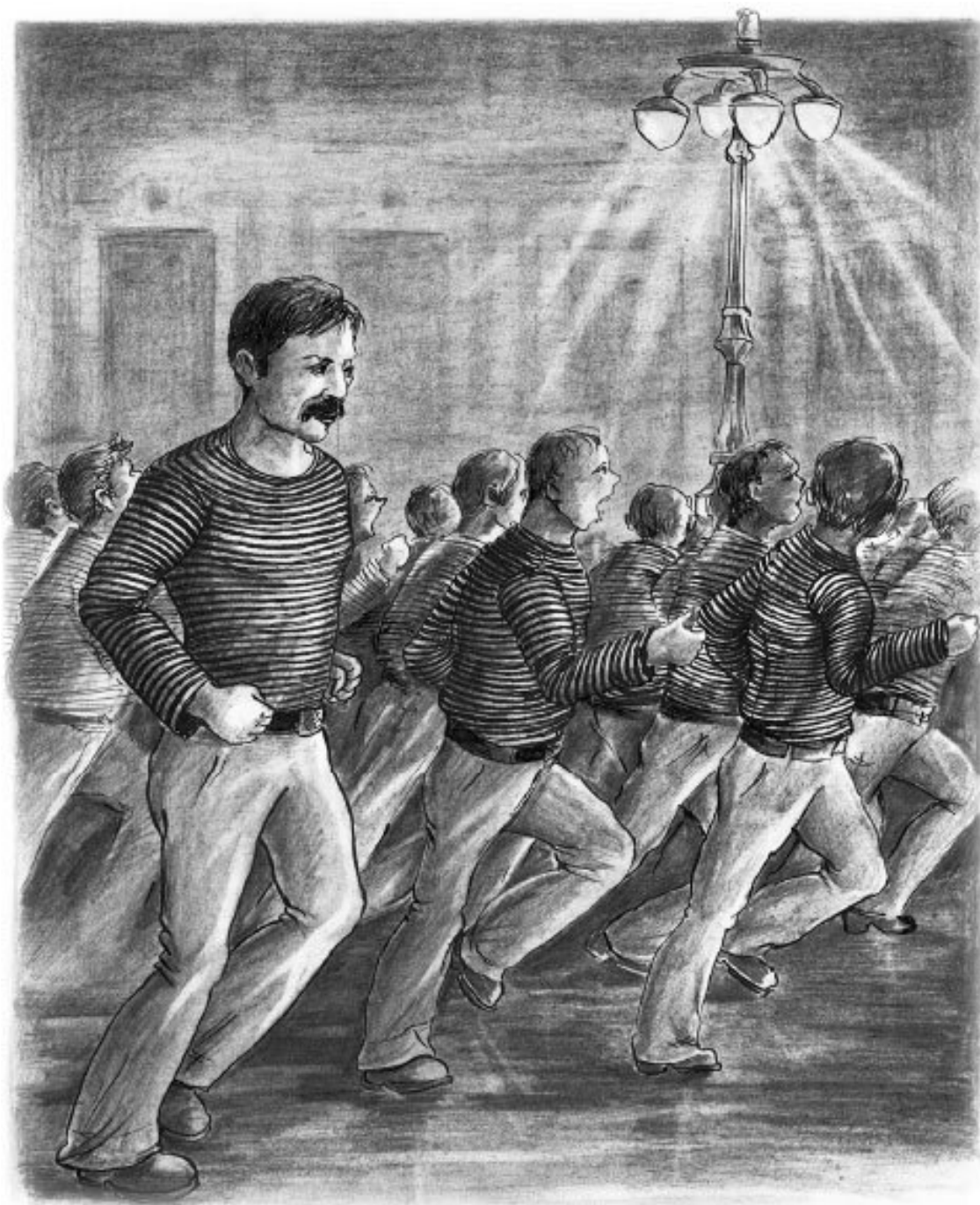
ника. Народу в роте много, а умывальников мало, а времени на то, чтоб умыться да оправиться, и того меньше.

Мотя провернул вентиль, ледяная вода брызгами полетела на его голый торс. Медный сосок покрылся испариной. Вымыть руки и лицо было еще ничего, терпимо, но вот почистить зубы было мукою адовой. Зубы ломило, эмаль потрескивала. Собрав всю волю воедино, Мотя прополоскал рот и крепко зажмурился, пережидая боль.

Наскоро вытерев лицо, Мотя пристроился к писсуару и расслабился. Над писсуаром густо парило.

В дальнем углу на дучке кто-то натужно кряхтел и ерзал, стараясь побыстрее опростаться. На утреннюю приборку опаздывать никак нельзя.

После развода на приборку Мотя с тремя товарищами взял из кранца с приборочным материалом четыре щетки и две сметки. Объектом приборки у них был факультетский коридор. Длинный, широкий, уложенный паркетом коридор.

Мотя заученным движением закатал правую штанину и просунул ногу в крепление щетки. Паркет нужно было натирать тщательно, вдоль паркетного рисунка, до блеска. Особенно у плинтусов – к этому начальство придиралось с завидным постоянством.

Пыхтел Мотя в меру, без фанатизма, понимал, что работа, она о двух концах: для себя делаешь – качество давай, для начальника – дай показуху.

Закончив натирать, Мотя сметкой прогнал мусор в конец коридора. Паркет горел янтарем – может, сегодня и не заругают. Хотя за что взгреть, всегда найдется.

Роту построили и повели на завтрак. В столовой рассаживались по четверо. У каждого было свое место. Вестовые разносили чай. Собственно, чаем это и не назовешь. Нормы кур-сантские скудны, а тут еще камбузные работники воровали без зазрения совести.

Мотя рассматривал шлепок полуостывшей колышистой каши. Взял кусок сахара, вымо-чил его в чае и бросил в кашу. Теперь это можно есть. На один кусок хлеба намазал масло, другой спрятал за пазухой.

Дежурный посмотрел на часы.

– Закончить прием пищи!

Мотя торопливо впихнул в себя остаток хлеба с маслом, зачерпнул ложкой сладкую кашу и запил все это теплой бурдой из кружки.

Роту построили для утреннего осмотра. Мероприятие это командир роты проводил лично.

Командовал он зычно, с протягом:

– Рыняйсь! Мырно!

Шел он вдоль строя, злобно зыря на курсантов. Не отец-командир, а Навуходносор какой-то. Только и было в нем что голос трубный, а души совсем не было. Будто рожден он и не от человека вовсе.

Придирался командир ко всему на свете. Его мелюзговые замечания Мотя выслушивал с брезгливостью.

Отвечал, однако, по уставу:

– Есть, товарищ командир! Будет устранено!

Роту повели на занятия. Первая пара была в общем потоке, в большой аудитории. Два часа будет длиться лекция по истории партии. Мотя заранее решил, что наконец выспится, и занял место в самом дальнем ряду.

Два часа пролетели как одно мгновение.

– Идрисыч, подъем!

Товарищ растолкал Мотю, тот вращал красными со сна глазами и растирал ладонью отлежанную щеку.

Однокашники звали его Идрисыч. Это и понятно, фамилию с первого раза не выговоришь и по имени не окликнешь – библейщина какая-то, вот и звали его просто Идрисыч.

Мотин класс строем шел на практические занятия по физике. Нужно было пройти по галерее героев и дальше, через два перехода, в учебный корпус. По стенам портреты, старинные картины, да и паркет наверняка помнил еще башмаки великих флотоводцев, учившихся в этих стенах. Училище было основано еще Петром I и имело богатую историю, однако курсанты относились к наследию без пиетета и называли его просто «Системой».

Ох уж это слово «система» – сильное-то какое! И сколочено как! Чувствуется в нем сама крепость стен этого каменного колодца, выбраться из которого и надежды уж не было никакой.

Практику вел тщедушный мужичок в круглых очках, мило, по-мышьиному дергающий кончиком носа и потирающий руки-лапки. Внешность была обманчивой.

Два часа непрерывных унижений на фоне плаката с изображением вынужденной прецессии гироскопа под действием силы тяжести вместе с нутацией, сопровождающей прецессию при освобождении оси раскрученного гироскопа.

Мотя уже начал ощущать себя полным ничтожеством, совершенно непригодным ни к чему, кроме как драить паркет. Звонок, возвещавший конец занятия, казался избавлением.

Все три взвода собрались в ротном помещении, откуда в полном составе под окрики «Отставить разговоры!» и «Шире шаг!» проследовали в столовую. Наступило время обеда. Что

будут подавать, заранее никто не знал, поэтому каждый раз это был либо приятный сюрприз, либо досадное недоразумение.

Сегодняшний обед был нейтральным – ни радости, ни отвращения не вызывал. Шумно двигая стульями, дружно расселись. Вестовые сперматозоидами носились меж столов. Старались. Могли они запросто огрести как от начальства, так и от товарищей. Такова уж участь вестового.

Мотя плеснул себе борща. Без аппетита погонял капусту в подкрашенном буряком бульоне. Жвакать не стал и отложил тарелку. На второе была гречка и небольшая котлетка с преобладанием хлебной крошки. Гречка, без намека на масло, была суха и царапала горло. Казалось, что ты не ешь ее вовсе, а причащаешься ею. После компота без сухофруктов все казалось неизменно безнадежным.

Пришло время на перекур и лясы. В курилке не продохнуть, вот и Мотя жадно затянулся беломориной. До чего же сладка затяжка после обеда, да за ради такого и вовсе некурящий нет-нет да и курнул бы.

В курилку заглянул дневальный:

– Идрисыч, тебя срочно в двести тридцать шестой кабинет!

Хоть и не было никаких табличек у двести тридцать шестого кабинета, но все знали: там сидит училищный особист.

Мотя в сердцах бросил недокурную папиросу. Прервать этот священный послеобеденный обряд мог только враг, безжалостный и беспощадный.

Попасть когда-нибудь под каток репрессий Мотя не боялся. Его готовили к этому сизмальства. Страшно стало, когда вот прямо сейчас.

Напротив двери с номером 236 Мотя остановился, оправил фланку и зачем-то подтянул ремень.

– Разрешите?

В полутемном кабинете за столом сидел многозначительный капитан третьего ранга с лицом-загадкой. Вот он, живой пережиток сталинизма. Мотя огляделся: кабинет был пропитан тайной. Возможно, даже государственной.

– Проходите, курсант.

Мотя прикрыл за собой дверь.

– Товарищ капитан третьего ранга, курсант Челебиджихан по вашему приказанию прибыл!

Тот добродушно улыбнулся:

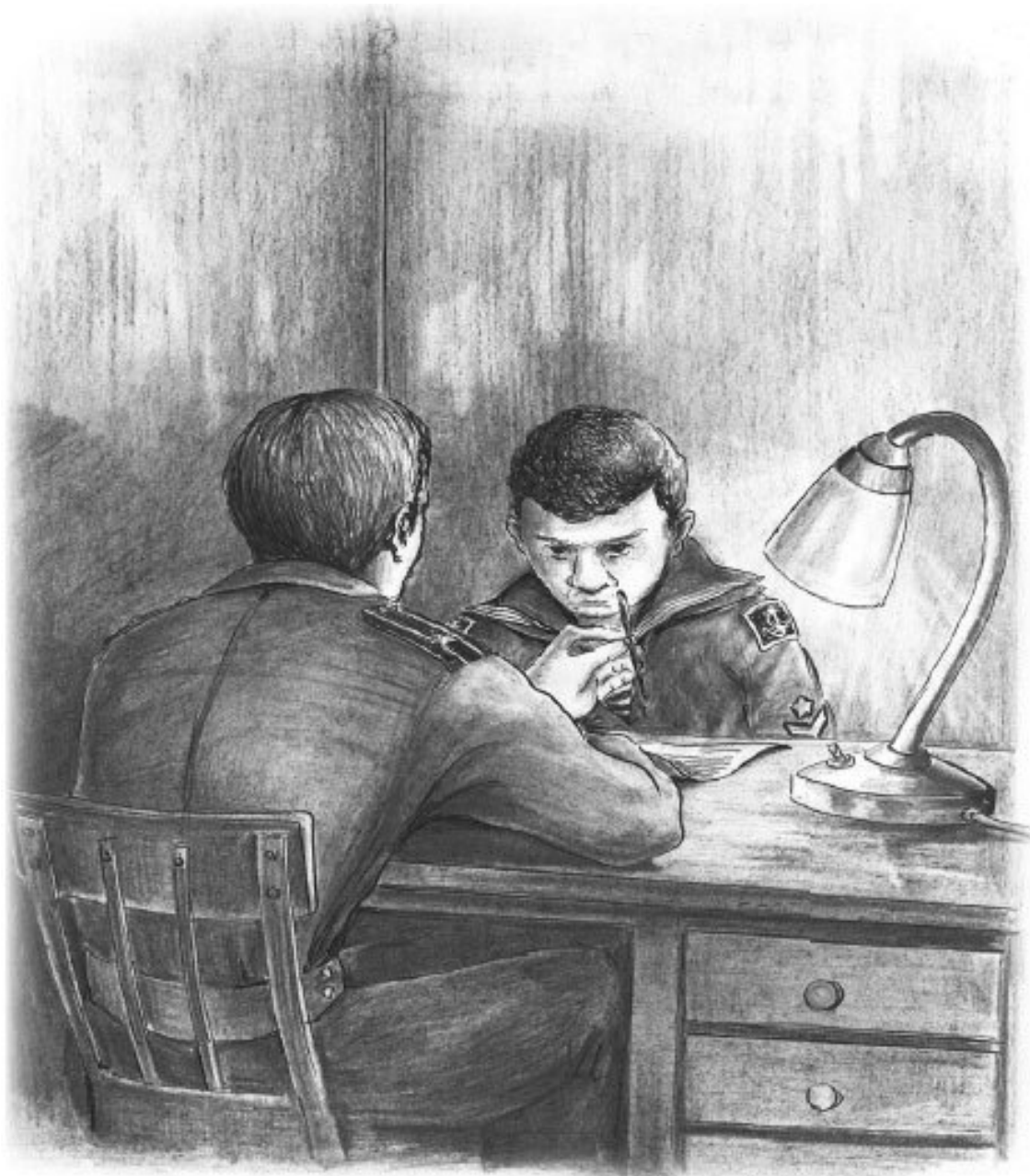
– Да не шумите вы так, присаживайтесь.

Он указал Моте на стул. Между ними теперь была только гнутая лебедем эбонитовая настольная лампа. Мотя напрягся: этот будет поопасней командира роты, тот отгремится да и успокоится, а этот, чуялось, был хитер и коварен.

Особист зашел издалека:

– Матвей Идрисович, знаете ли вы, насколько сложна международная обстановка?

Мотя неуверенно кивнул головой.

Особист не спешил, плавно перейдя от врагов внешних к врагам внутренним и от них – к предателям в вооруженных силах, посетовал на благодушие, недалёковидность и потерю бдительности в их родном училище. Лицо его рдело благородным порфиром.

– Ну, теперь вы понимаете, что благополучие страны зависит от вас лично?

Мотя никак не мог взять в толк, чего, собственно, от него хотят. На всякий случай прокрутил в голове усвоенные с молоком матери знания на случай допроса: «Молчание – золото», «Делай паузы перед ответом, на вопросы отвечай уклончиво», «Против себя не свидетельствуй, чистосердечное признание – прямой путь в тюрьму».

Они смотрели друг на друга.

Особист смотрел сытым котом на стреноженную мышь, Мотя – затаившимся перепелом, которого легавая уже причуяла и вот-вот поднимет.

– Товарищ капитан третьего ранга, а я-то чего могу?

– Молодец, Матвей Идрисович, правильно мыслишь! Будешь докладывать мне обо всем, что происходит в роте.

Не дав Моте опомниться, особист подсунул ему листок.

– Вот тут распишитесь. Да, и придумайте себе псевдоним.

Мотя понимал, что, падая вниз, траекторию не выбирают. Бумажку подмахнул и, сам не зная отчего, вписал псевдоним – «Ветров».

Мотя брел по коридору, осмысливая случившееся. Возненаживать себя он не стал, твердо решив, что ничего докладывать особисту не станет. Не по-детски был он наделен житейскою мудростью, и в восемнадцать лет глаза его были седыми.

Впереди была последняя пара, и было это занятие по физической подготовке. Бессмысленное натружение организма Мотя не любил, он точно знал: спорт – опиум для народа. Убежден был, что спортивными зрелищами, футболом да хоккеем делают из людей дураков.

Ровно в два часа дня, переодевшись в трико, курсанты построились в спортивном зале. Появился преподаватель – майор Скуратов. Со свистком на груди, спортивным шагом он подошел к строю.

– Смирно! Товарищ майор, сто тринадцатый класс для проведения занятий по физподготовке построен!

Майор прижал руки к бедрам и привстал на цыпочки.

– Здравствуйте, товарищи курсанты!

– Здравия желаем, товарищ майор!

Все было пронизано ложью, даже приветствие. На самом деле здравия майору никто не желал. Майор Скуратов в душе был изувером и спортивные снаряды рассматривал как инструмент для унижения чести и достоинства. Не столь он был озабочен физическим развитием курсантов, сколь возможностью всласть поиздеваться над безответными юношами.

Майор орлиным взглядом окинул строй.

– Вольно! Старшина, разбить класс на три группы.

Одна группа отправилась лазать по канатам, другая – на турник, а третья – на бревно.

Помогал Скуратову ассистент-подручный, не то узбек, не то нанаец. Маленькая кривоногая нехристь, готовая на все ради хозяина.

Только здесь и постиг Мотя суть услышанного когда-то на кухне: «Неограниченная власть в руках ограниченных людей всегда приводит к жестокости».

Скуратов стоял у турника. Бедный растопыря неуклюже дергался на перекладине, пытаясь изобразить подъем переворотом. Глаза майора горели садистским огоньком.

– Ну что ты там вафлей завис?! Смотри не грохнись, мамкин пирожок, отшкрябывай потом говно с палубы.

Бедолага висел на турнике, и каждая его клеточка была пронизана обидой за незаслуженное поругание. Остальные курсанты радостно гоготали. Так уж устроен человек.

Майор обернулся к группе, выполняющей упражнение на канате.

– А это что за вошь потная?! Во всю силу лезь!

Он дал отмашку ассистенту-подручному:

– Усложнить задачу!

Нацмен с радостью бросился раскачивать канат, как бы стараясь стряхнуть с него Мотю, уже почти забравшегося на самый верх.

Скуратов вожаделенно потирал ладони.

– То-то же! Это тебе, мамкин пирожок, не лысого по ночам под одеялом гонять!

И опять веселый гогот товарищей.

Вот так методично ломал неокрепшие души майор Скуратов, старательно вколачивая через ноги простую непреходящую истину: «Я начальник, ты дурак». Ибо и есть в этом вся суть военной службы.

Жизнь царю, душу Богу, сердце даме, честь никому – все это мишура, придуманная для поддержания внешнего лоска...

Время, которое образовывалось между последней парой и ужином, называлось свободным. Сегодня его решили заполнить лекцией по актуальным вопросам развития марксистско-ленинской этики.

Курсантов привели в огромный зал, сверкающий хрусталем и бронзой. Когда-то это была столовая зала, где принимали пищу господ гардемарины, теперь это называлось залом Революции. А назван он так в память о Ленине, выступавшем здесь перед революционными матросами. Так и стоит он в гипсе, возвышаясь над сценой, выбросив вперед правую руку ладошкой вверх.

Мотя пялил взор на статуи – вот он, Ирод рода человеческого, раскрутивший безжалостное красное колесо.

Лектор из Ленинградского обкома вещал негромко, но твердо. Мотя незримо ухмылялся: какая может быть этика у режима, где жизни человека не стоят и ломаного гроша?

После длинной, скучной и лицемерной лекции прямо из зала Революции повели в столовую. На ужин давали два блюда – бигус из квашеной капусты и макароны по-флотски. В отношении бигуса существовало негласное правило: не тронь! Бигус в кастрюле покрывался засохлой коркой, и если ее потревожить, то из кастрюли вырвались наружу способные вывести из строя противогаз миазмы. Видимо, делали бигус из того, что выбросить жалко. А может, и не жалко.

На фоне бигуса макароны по-флотски, окрещенные курсантами макаронами с мусором, смотрелись не иначе ресторанным блюдом.

За соседним столиком подал голос Петро Гамасюк:

– Мужики, я посылку получил, на сампо раздеребанам. Хлеба только прихватите.

Родом Гамасюк был из Батькова, что в Львовской области. Это, собственно, и определяло ассортимент посылаемых продуктов. Как правило, Петру присылали сало свежее слабосоленое в банке, сало с чесноком, сало с прожилками мяса, сало с красным перцем и иногда кружок-другой домашней колбаски.

По правилам сначала посылку проверял старшина на предмет запрещенных вещей. Мало ли – спиртное или антисоветская литература, к примеру.

Старшина шумно сглотнул слюну, нервно дернув кадыком.

– А и духмянная у тебя колбаса, Гамасюк! – И тут же получил в подарок полкруга.

Прозвенел звонок, началась самостоятельная подготовка. Гамасюк с посылкой под мышкой успел заскочить в класс. Двери за ним закрыли и подперли стулом. Боялись не начальства, боялись лишних ртов.

На столе расстелили газету и разложили хлеб, припасенный с камбуза, сало трех видов и оставшийся полукруг домашней колбасы. Штык-ножом от автомата Калашникова порезали колбасу на тонкие кружочки, чтоб хватило на всех. Сало резали добрыми ломтями, без счету.

Над всем этим изобилием возвышался Петро Гамасюк. Он широко, по-драконьи, раздувал ноздри, вдыхая ароматы родины.

Мотя взял кусочек колбаски, обнюхал со всех сторон и положил на язык. Жевать не стал, сначала нужно было насладиться по полной, а уж потом размолоть его зубами и неспешно, частями, проглатывать.

Жадные до жизни курсанты рвали крепкими зубами шматы сала.

Гамасюк грустно вздохнул:

– Эх, шас бы скибочку цыбули.

Хотя ни по отцовской, ни тем более по материнской линии сало Моте никак не полагалось, навораживал он его много и с удовольствием.

На сытый желудок школить сил нет, на сытый желудок разве что покемарить.

К жизни Мотю вернуло построение на вечернюю приборку.

Вечерняя приборка сильно отличалась от утренней. К этому времени уже все начальство «убывало из расположения», оставались только дежурные офицеры, но их было немного, и дел у них хватало и без приборки.

Наскоро прометя коридор, Мотя присоединился к товарищам, которые уже собрались в курилке. Нужно было поспеть вышмалить беломорину. Вот-вот начнется обязательная к просмотру программа «Время».

Из ленинской комнаты доносилась энергичная музыка. По этой заставке безошибочно угадывалось начало информационной программы «Время». Мотя заскочил в ленинскую комнату одним из последних и сел в заднем ряду.

Дикторы вещали как будто с передовой (а они и были бойцами передового отряда идеологического фронта). Вещали о достижениях и победах, о том, как советский народ с чувством гордости, патриотизма и еще бог знает с какими чувствами воплощал в жизнь решения очередного съезда КПСС.

В отличие от однокашников Мотя, приученный с детства с недоверием относиться к заявлениям советского руководства, пропускал текст мимо ушей. Он-то понимал: какие, к чертям, свершения, если в магазинах пусто, евреев, опять же, не выпускают. Нет, все это лапша для непосвященных.

Программа «Время» закончилась, дежурный по роте выключил телевизор.

– Выходи строиться на вечернюю прогулку, форма одежды номер пять!

Мотя, застегивая на ходу слюнявчик, встал в строй. Оправил шинель и натянул шапку на уши.

Там, где утром бегали полураздетыми, закаляя организм и отпугивая прохожих, вечером неспешно прогуливались. Кто шепотом травил анекдоты, кто разглядывал прохожих девушек, Мотя же размышлял о смысле жизни. Какие цели, мечты, желания заставляют человека преодолевать лишения, познавать добро и зло и кто это вообще решает, в какой стране, в какой семье человеку родиться?

Ответов у Моти не было. Да и не нужны они ему были, так он пытался скрасть время и приблизить окончание очередного дня.

Через тридцать минут раскрасневшиеся на морозе, выдыхающие паром курсанты вернулись в ротное помещение.

Вечернюю поверку проводил старшина роты, зачитывая фамилии курсантов по алфавиту. Дошла очередь и до Моти.

Старшина сначала прочитал про себя, а потом по слогам произнес:

– Челебиджихан!

Мотя браво ответил:

– Я!

Завершали день вечерний туалет и отбой.

И опять марафон к толчкам и рукомойникам. Вечерний туалет отличался от утреннего тем, что нужно было еще и караси простирнуть. А курсантские караси, такое дело, как ни стирай, все одно воняют.

Мотина койка была на втором ярусе у окна. На спинке койки он развесил сушиться наспех постиранные караси и аккуратно сложил форму на тумбочке. Это называлось сделать укладку.

Откинув одеяло, Мотя забрался в койку. Из окна сифонило. Не просто сифонило, а с музыкой, будто какой-то недоросль пилил на скрипке плохо выученный урок.

Мотя натянул одеяло на голову. Ничто не могло его сломить: ни холод, ни постоянный подсос в желудке, ни придирки командиров. Такая тяга к жизни была заложена в нем предками-колодниками!

Еще один длиннющий день из его пятилетнего срока подходил к концу. Оставалось еще одна тысяча шестьсот пятьдесят восемь дней.

Мотя по привычке подводил итоги. Так себе был денек, ничего особенного. Ну а если хорошенько подумать, то даже и неплохой выдался день. А чего, не наказан, двоек не нахватал, не заболел – чего ж тут плохого?

Стрелки на часах отбили одиннадцать вечера, дежурный скомандовал:

– Рота, отбой!

Свет погашен, двери закрыты, курсанты завернулись в одеяла.

По традиции ротный запеваля прокричал:

– Вот и еще один день прошел!

– Ну и хер с ним! – по традиции хором ответили все остальные.

Крейсер «Комсомолец»

Так долго ожидаемый курсантский отпуск пролетел как одно мгновение. Родители не успели налюбоваться юными моряками, а отпускники не успели вдоволь нагуляться. Но несмотря ни на что, первокурсники с радостью и даже каким-то нетерпением возвращались в «Систему» – эту Кувуклию, в которой зажигался благодатный огонь военно-морской романтики.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.